

ГАДАНИЕ ПО КНИГЕ ПЕРЕМЕН

БУДУЩЕЕ Павел Бондаровский В ТРИ СЧЁТА

Павел Бондаровский

Будущее в три счета.

Гадание по Книге перемен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19258990

*Будущее в три счета. Гадание по Книге перемен: ИГ «Весь»; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-9573-2559-8*

Аннотация

Каждая древняя цивилизация стремилась создать стройную и понятную систему знаний, объясняющую законы, по которым существует окружающий мир. В Древнем Китае такую роль играла «И-Цзин» – «Книга перемен», оказавшая значительное влияние на развитие философии, математики, теории живописи и музыки и других областей культуры. Хроники свидетельствуют, что первый, фундаментальный слой текста «И-Цзин» существовал в законченном виде и был достаточно широко распространен уже в VIII–VII веках до н. э. С самого момента возникновения «Книгу перемен» использовали для пророчества будущего. В процессе гадания по «И-Цзин» исходили из того, что каждая гексаграмма (сочетание линий) символизирует ту или иную жизненную ситуацию, которая разворачивается во времени, а каждый афоризм при гексаграмме вкратце характеризует определенный этап в развитии данной ситуации. Гадали о

«судьбе молодого сына» и «о служебной карьере», об успехе военного похода и о браке дочери, о «стратегическом плане в трудном бою» и о личном. В книге Павла Бондаровского вы найдете описание структуры «Книги перемен», познакомитесь с принципами анализа гексаграмм и их толкованиями. То есть узнаете все необходимое для того, чтобы использовать «И-Цзин» для принятия трудных решений и предсказания судьбы.

Содержание

Предисловие	6
О книге перемен	11
Истоки	12
Принципы	17
Параллели	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

П. Бондаровский

Будущее в три счета.

Гадание по Книге перемен

*** * ***

Дизайн обложки И. В. Орловой

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Предисловие

*Символ **дао** – всеобщего закона Вселенной... Готовые перейти одна в другую, равные, вечно враждующие и неотделимые космические силы **ян** (белая) и **инь** (черная). Белая точка на черной половине и черная на белой – признаки их неперенного взаимопроникновения...*

До чего же все-таки силен в нас человеческий шовинизм! Все-то мы знаем лучше Природы, как будто не мы у нее в долгу, а она у нас; как будто не мы от нее, а она от нас не ждет милостей и берет, и берет у нас. Мы же мстим ей за это высокомерным презрением, приспособливаем ее то так, то этак к нашим вечно меняющимся прихотям. Нам почему-то стыдно вспоминать, что мы – *homo sapiens*, стыдно признавать, что в мозгу у нас какое-то слишком уж серое, на наш просвещенный взгляд, вещество, стыдно обнаруживать свою в об-

щем-то понятную неспособность окинуть разумом бескрайность Вселенной и осознать бесконечную делимость элементарных частиц...

«Человек может все!» О значении двух из трех слов этого расхожего выражения мы имеем лишь очень смутное представление, толком не зная ни что такое «человек», ни что такое «все». Вернее было бы сказать, что человек может всякое: разгадывать тайны вращения небесных тел и выдумывать изощренные пытки для ни в чем не повинных людей; совершать головокружительные открытия в области науки, техники, медицины и держать их в тайне от большинства населения планеты; побеждать в жесточайших войнах и писать политические доносы на соседа, чья коза забрела в чужой огород... В этом смысле *homo sapiens* действительно «всемогущ». Но что бы он о себе ни воображал, есть в его царственной позиции одно крайне уязвимое место: он не знает самого главного о себе – своего далекого прошлого, и самого важного для себя – своего будущего. Он не знает, откуда взялся и куда держит путь. Однако некому упрекнуть человека в этом незнании, и он переживает его со спокойной душой.

Древние к подобным вопросам были менее равнодушны. Может быть, потому, что еще не отделяли себя от остальной Природы столь решительно и бессовестно, как это делаем мы. (Кстати, мы поступаем так и по отношению к нашим далеким предкам, жившим каких-нибудь десять, пятнадцать, двадцать веков назад, отводя им место где-то на уровне «бра-

тьев меньших»... Опять шовинизм, в данном случае хронологический.) Предки общались с Природой на равных, как члены одной семьи, где царили уважение и доверие и где при этом Природа была старейшиной. К ее слову прислушивались, с ее законами считались, у нее учились. И тайны свои она открывала тогда гораздо охотнее.

Мы привыкли гордиться своими учеными, академиками, нобелевскими лауреатами. Но если вдуматься, не в частности ли они преуспели? Разве главные, основные, вселенских масштабов открытия и поистине жизненно важные изобретения не были сделаны много раньше, в туманные годы зарри Истории? Без приборов и лабораторий, не располагая и крошечной долей тех знаний, какими располагаем мы, наши далекие предки безошибочно формулировали всеобщие законы, краеугольные физические и математические понятия, снисходительно именуемые сегодня «элементарными». Они оставили нам множество памятников-загадок, которые мы не в силах разгадать даже с помощью компьютерной техники. Они были первопроходцами философской, этической, эстетической мысли, еще не зная бумаги и имея значительно меньше материала для обобщений, чем мы, творили вечные эталоны. Они с успехом лечили людей без лекарств и делали сложнейшие даже по современным понятиям операции, вплоть до нейрохирургических...

Список можно продолжить, но едва ли кто-либо способен привести его весь. Ведь так много утеряно, подчас безвоз-

вратно, а то, что дошло до нас в целостности и сохранности, что известно сегодня о древних цивилизациях, – не более чем верхушка айсберга, чья основная часть покоится в недоступных глубинах тысячелетий и тает в них, растворяясь навеки.

Да, они многое знали, наши древние предки, многое поняли значительно раньше, а порой и лучше нас, многое предвосхитили, но никак не предполагали, что настанет время, когда техника, созданная человеком, окажется в состоянии соперничать с силами самой планеты; что прогресс этой техники к XXI веку станет более бурным, чем прогресс в понимании человеком Природы; что слабость перед соблазном сделать что-то лишь потому, что это возможно сделать, станет разрушительной силой; что на «высшей стадии эволюции» угрожать человеку будет горе не от ума, а от недоумия.

Конечно, три-четыре тысячи лет назад представить подобное было трудно. Представлений в те времена вообще бытовало меньше. Зато все они были яснее и недвусмысленнее и всегда поверялись одновременно по двум пробным камням, камням-силам – вечно враждующим и навеки неразделимым – добра и зла. Это гораздо позднее мы решили, будто их можно только противопоставлять, а древние рассуждали иначе: не «или – или», а «и – и»; не свет или тьма, а и свет, и тьма; не постоянство или перемены, а и постоянство, и перемены.

Книгу, рассказу о которой автор счел необходимым предпослать столь пространное и, на первый взгляд, отвлечен-

ное предисловие, древние и назвали: «Книга перемен». Они бережно пронесли ее сквозь десятки веков, сохранили от гибели в вихрях стихий и пожарищах войн, стремясь передать нам в целости первоизданную мудрость, первоизданное понимание мира, жизни и человека. А мы, похоже, оказались неподготовленными, не оправдали доверия, ибо все еще не в силах разгадать полный смысл и значение этой, быть может, самой великой загадки, когда-либо задававшейся людям людьми, загадки, имя которой «И-Цзин» – китайская классическая «Книга перемен».

Познакомимся с ней и посмотрим, сравним, далеко ли наш разум увел нас путями познания за последние три с лишним тысячи лет. И не заблудились ли мы...

О книге перемен

Истоки

...И вот люди в юности начинали изучать эту книгу, но и с побелевшей головой не достигали ее истоков...

Су Сюнь (1009–1066) «Рассуждение о „Книге перемен“»

Во времена, когда еще не существовало ни мифов как таковых, ни официальных религий, три-пять тысячелетий тому назад, взгляды на строение Вселенной у народов, населявших бассейн реки Хуанхэ, были достаточно твердыми, хоть и парадоксальными. Небо им представлялось бескрайним и одновременно круглым, земля – квадратной, но тоже бескрайней. А в центре Земли, и, по-видимому, под центром неба, располагался Китай, который тогда называли Срединной, или Поднебесной, страной.

Твердость воззрений распространялась у древних китайцев и на далекое прошлое, когда ни неба, ни земли еще не было, а был, как они полагали, хаос, нечто вроде туманности, в которой плавали мириады мельчайших частиц *ци*. Среди этих частиц были легкие, светлые (*ян*), постепенно поднимавшиеся, и тяжелые, темные (*инь*), медленно опускавшиеся. Таким вот образом разделившись, первые образовали небо, вторые – землю. Упрощенное, схематичное, примитивное – какое угодно, но в основе своей мало чем отличающееся от сегодняшнего – представление о процессах, происхо-

дивших на месте нашей Солнечной системы в невообразимые времена и завершившихся ее формированием в нынешнем виде около пяти миллиардов лет назад.

После того как небо и земля оказались на своих местах, из различных комбинаций тех же частиц *ян* и *инь*, из взаимодействия темного и светлого, женского и мужского начал возникло все живое и неживое, возникли природа и ее явления, движение и покой, тепло и холод, добро и зло. Все было естественно, необходимо, разбросанно и едино, как та изначальная туманность. Одно вытекало из другого, сливалось с другим, свет мог быть тьмой, а добро злом и наоборот – в зависимости от времени и ситуации. Причем все это происходило как в окружавшей человека Природе, так и в природе самого человека, как во внешней, так и во внутренней его жизни.

Однако найти объяснение чему-либо еще не значит познать его. Стихийность, непредсказуемость явлений, поступков, соотношений различных сил вызывали у человека естественное стремление уловить хоть какую-то закономерность, которую можно было бы уложить в стройную и понятную систему. Это было для него поистине жизненно важно. И, как нам сегодня известно, такие системы в разное время появлялись и становились «официальными», признанными во всех без исключения древних цивилизациях – шумерской, египетской, индийской, греческой... Возникла подобная система и в древнем Китае. Роль ее сыграла «Книга перемен».

Хроники свидетельствуют, что первый, фундаментальный слой ее текста существовал в законченном виде и был достаточно широко распространен уже в VIII–VII веках до н. э., создание же его началось значительно раньше. Впоследствии к первому слою добавились второй и третий, в целом составившие так называемый основной текст «И-Цзин». Кроме того, в книгу входят «десять крыльев» – десять комментариев к основному тексту, написанных разными авторами в течение V–III веков до н. э.

«*„Книга перемен“*, – писал один из самых авторитетных советских исследователей-и-цзинистов Юлиан Константинович Щуцкий (1897–1938), – *имеет все права на первое место в китайской классической литературе – так велико ее значение в развитии духовной культуры Китая. Она оказывала свое влияние в самых разных областях: и в философии, и в математике, и в политике, и в стратегии, и в теории живописи и музыки, и в самом искусстве...*» Эта характеристика «И-Цзин» написана ученым в 1937 году. Сегодня у него были бы все основания дополнить список областей, где сыграла свою роль «Книга перемен», множеством других. Но заметил бы он и то, как мало продвинулись мы за минувшие десятилетия в понимании этого удивительно необычного памятника.

Так или иначе, вполне современно и в наши дни звучит точка зрения на «И-Цзин» и проблемы его изучения, высказанная выдающимся китайским философом Чэн Ичуа-

нем (1033–1107): «Книга эта столь широка и всеобъемлюща, что через нее мы надеемся встать в правильное отношение к законам нашей сущности и судьбы, проникнуть во все причины явного и сокровенного, исчерпать до конца всю действительность предметов и событий и тем самым указать путь открытий и свершений. Да, можно сказать, что совершенномудрые авторы ее достигли наивысшего в своих заботах о последующих поколениях. Хотя мы уже далеки от тех древних времен, но до нас еще сохранились заветанные ими основные тексты. Однако толкователи прежних времен утратили их смысл и передали лишь слова, а их последователи только произносят эти слова и забывают об их сути... Я, живущий на тысячелетие позже, боюсь, что такое писание померкнет и исчезнет, и я хотел бы, чтобы люди будущих времен по этому течению вошли к его истокам...»

Обращение Чэн Ичуаня было услышано. «И-Цзин» продолжали исследовать не только в Китае; с течением веков он привлекал все большее внимание и в других странах как памятник культуры и мысли поистине мирового, общечеловеческого значения.

«Я в свою очередь изучил эту книгу, – писал один из крупнейших философов старой Японии Ито Тогай (1670–1736), – и вижу, что она совмещает в себе оба принципа – как мантику, так и философию. Но главное в ней – это понятия чувства и любви».

Ито Тогай не успел издать свой труд об «И-Цзин», это сделал его сын Ито Дзэнсё, тоже ставший ученым. В предисловии к книге отца он так выразил собственное отношение к «И-Цзин»: *«По этой теории, избегая переразвития, живя в самоограничении и бдительно наблюдая за правильностью своих отношений с людьми и своего положения среди них, при напряженной работе над собой в этих направлениях, можно достичь совершенства. Работая во благо, действовать по мере сил, но не различать возможности и невозможности данной временной ситуации; а желая осуществить благое вопреки создавшимся условиям, не только нельзя подчиняться им, но даже надо разрушить эти условия. Вот чему учит „Книга перемен“. Если же говорить, что она поучает стремиться к выгодному и избегать вредного, то это поверхностное суждение».*

Оставим без комментария мнение Ито Дзэнсё о том, чему учит «И-Цзин». Кое-какие сравнения у читателя все равно возникли сами собой. А обратим внимание на употребленное Ито Тогаем слово «мантика», означающее в переводе с греческого «искусство прорицания», или же проще – гадание. Но прежде чем перейти к рассказу о собственно гадании по «Книге перемен» и чтобы лучше понять его современную технику, вернемся к самым истокам «И-Цзин» – ко временам, когда прорицатели в древнем Китае предсказывали людям судьбу по трещинам на панцире черепахи и по узорам на листьях тысячелистника.

Принципы

*Многие считают, что мифы – это плод человеческой фантазии, не имеющий ничего общего с действительностью. Это глубокое заблуждение.
Юань Кэ «Мифы древнего Китая»*

В древнекитайской мифологии, как, впрочем, и в любой другой, немало загадочных персонажей, чье реальное существование трудно, если не невозможно, подтвердить достоверными историческими документами. Причем проблема эта стала значительно сложнее, «благодаря» целенаправленным усилиям выдающегося мыслителя древнего Китая Кунцзы, известного в европейской литературе под именем Конфуций (551–479 гг. до н. э.), а также его учеников.

Стремясь привести мифологические предания в соответствие с догматами своего учения, конфуцианцы отбрасывали в них все сверхъестественное, «божественное» и находили – или изобретали – рациональное объяснение для каждого легендарного события или явления. Таким образом мифы становились частью традиционной истории. Их уже не передавали из уст в уста, а полностью доверяли лишь вариантам, которые были записаны конфуцианцами на бамбуковых дощечках, варианты же эти значительно искажали первоначальный смысл мифов.

Не избежал конфуцианской историзации и легендарный

правитель Фу Си, пребывавший у власти, как принято считать, с 2852 по 2737 год до н. э. К тому, сколь много невероятного и полезного сумел он сделать за 115 (!) лет своего правления, мы еще вернемся, пока же самое главное для нас – что именно Фу Си все известные источники приписывают изобретение так называемых *ба гуа* – восьми гадательных триграмм, впоследствии развитых в гексаграммы, которые и явились основой текста «Книги перемен».

По преданию, Фу Си однажды увидел, как из реки Хуанхэ выплыла на берег огромная черепаха (в некоторых источниках говорится о драконе-лошади), на спине которой были начертаны таинственные знаки, состоявшие из сплошных и прерванных посередине черт. В их сочетаниях Фу Си увидел систему символов, соответствовавших его представлениям о мироздании, где главенствовали небо и земля, из взаимодействия которых рождались все вещи и явления, живое и неживое. Символы эти Фу Си изобразил таким образом:

1) ≡ 2) ≡ 3) ≡ 4) ≡ 5) ≡ 6) ≡ 7) ≡ 8) ≡

Каждый из символов (триграмм) имел свое название, указывал на определенное свойство и выражал конкретный образ:

1) триграмма *цян* (творчество); свойство – крепость, об-

раз – небо;

2) *дуй* (разрешение); свойство – радость, образ – водоем (озеро);

3) *ли* (сцепление); свойство – ясность, образ – огонь (солнце);

4) *чжэнь* (возбуждение); свойство – подвижность, образ – гром;

5) *сюнь* (утончение); свойство – проникновенность, образ – ветер (дерево);

6) *кань* (погружение); свойство – опасность, образ – вода;

7) *гэнь* (пребывание); свойство – незыблемость, образ – гора;

8) *кунь* (исполнение); свойство – самоотдача, образ – земля.

Кроме того, каждая отдельная триграмма символизировала время года в зависимости от движения Солнца и Луны.

Понятие сенсации едва ли существовало в столь давние времена. Однако трудно подобрать более подходящее слово, чтобы охарактеризовать эффект, который произвело появление в XXVIII веке до н. э. системы из восьми триграмм, имевшей для тогдашней науки прорицания не меньшее значение, чем для современной физики уравнение $E = mc^2$. Ведь если прежде предсказатель судьбы на свой страх и риск истолковывал узоры на панцире черепахи, принимая во внимание поворот ее шеи во время гадания и даже выражение ее

глаз; если, гадая по тысячелистнику, тоже всецело полагался на интуицию и во многом решал наугад; если авторитет его целиком и полностью зависел от того, насколько часто волею случая судьба клиента складывалась именно так, как ему ее предсказывали, то отныне в руках гадателя была система, неслучайность которой подтверждалась многими периодическими явлениями природы, теми же фазами Луны, которых и по сей день различают восемь и каждая из которых по-своему влияет на все живое и неживое на Земле.

Кроме того, если верить старинному китайскому словарю «Шо-вэнь», на основании комбинаций сплошных и прерванных черт Фу Си составил первые иероглифы китайской письменности. Быть может, поэтому «Книга перемен» имела такое название уже тогда, когда книги как таковые еще не были изобретены и когда слово «цзин» переводилось как «текст», означая в данном случае лишь систему удвоенных в гексаграммы триграмм, кроме которых в «И-Цзин» первоначально ничего не было.

Итак, мы наконец подошли к основе «И-Цзин» – гексаграммам – символам, состоящим из двух *ба гуа*, двух триграмм, то есть из шести сплошных и прерванных посередине черт. Возможное число вариантов – 64.

Это уже значительно более сложная система, охватывающая и отражающая, в соответствии с теорией «Книги перемен», весь мировой процесс, все чередование ситуаций, происходящее от взаимодействия и борьбы сил света и тьмы, на-

пряжения и податливости, добра и зла, ситуаций, в которых оказывается и действует человек.

Принято считать, что нижняя триграмма относится к внутренней жизни, к наступающему и создаемому, а верхняя – к внешнему миру, к отступающему и разрушающемуся.

С древних времен существует и взгляд на гексаграммы как на комбинации из трех пар черт, каждая из которых символизирует одну из трех космических потенций: верхняя – небо, средняя – человека, нижняя – землю. Уже здесь ясно видно отличие мировоззрения древних китайцев от взглядов, распространенных тогда и позднее во многих других цивилизациях, особенно европейских: человек участвует в течении жизни как равный земле и небу, как активная сила, не только зависимая, но и способная воздействовать на окружающий мир, на обстоятельства, на судьбу. В этом и главное отличие «Книги перемен» как первоначально чисто гадательного текста от всех иных гадательных систем, где человеку отводится пассивная роль, где ему предсказывается ход событий, изменить который он не в силах.

Авторитетнейший исследователь и переводчик «И-Цзин» немецкий ученый Рихард Вильгельм в своих работах, написанных в середине 1920-х годов, подчеркивал важность изучения «Книги перемен» как гадательной системы. Когда возникла первая попытка рационально объяснить то, что на ранней стадии мышления достигалось лишь в практике гада-

ния, писал он, возник первый текст. Когда же к гадательным знакам добавились предписания, как надо поступать человеку, обращаясь к «Книге перемен», чтобы принимать сознательное участие в осуществлении собственной судьбы, был сделан важный шаг вперед в повышении оценки роли человека как соучастника мирового процесса, а отсюда уже полшага до осознания моральной ответственности человека за этот процесс – моральной в смысле взаимоотношений человека с Природой и моральной же в смысле отношений с другими людьми и обществом.

Таким образом, с появлением основного текста «И-Цзин» гадание в древнем Китае обрело просветительский и воспитательный характер, а сама книга с течением времени становилась все более очевидным сводом морально-этических и философских принципов, причем изложенных не догматически, а в динамике, диалектике, применительно к изменчивым жизненным ситуациям.

Параллели

Я написал перевод «И-Цзин», заключающий в себе текст и приложения, в 1854 и 1855 годах; и я должен признать, что, когда рукопись была закончена, я знал очень мало об объеме и методе этой книги...

Джеймс Легг (1815–1897)

Этот эпиграф приведен здесь отнюдь не для того, чтобы запугать читателя. Шотландский и-цзинист Джеймс Легг ставил перед собой задачу исследовать всю глубину содержащихся в «Книге перемен» философских воззрений, а они оказались практически бездонными, так что досада исследователя понятна. Мы же не ставим перед собой подобную сверхзадачу, а ограничимся лишь знакомством с этой уникальной книгой, ее историей, тем, как по ней гадали в древности и как гадают сегодня, причем не только в Китае, но и во многих других странах мира.

И все же, при чем тут Джеймс Легг и его разочарование? При том, что оно типично почти для всех, кто когда-либо брался исследовать «И-Цзин». Помните – «...но и с побелевшей головой не достигали ее истоков»? Это написано в XI веке, а Джеймс Легг жил в XIX. Как будто мало что изменилось. На самом деле изменилось многое, особенно в подходе к «И-Цзин», в его квалификации. «Книгу перемен»

только в европейской синологии изучали и как гадательный текст, и как философский текст, и как то и другое одновременно; видели в ней основы китайского универсизма, собрание поговорок, политическую энциклопедию, толковый словарь, фаллистическую космогонию, учебник логики, бинарную систему, тайну кубокуба; считали чудом уцелевшей за тысячелетия озорной шуткой уличного гадалея, просто ребячеством и даже откровенным бредом. В последних характеристиках отчетливо ощущается отчаяние их авторов, потративших на «борьбу» с «И-Цзин» многие, подчас лучшие, годы жизни, но так и не понявших его.

Относительно повезло Готфриду Вильгельму фон Лейбницу (1646–1716), немецкому ученому, особенно прославившемуся своими трудами по математической логике, а также по дифференциальному и интегральному исчислению. Лейбниц увлекался китайской философией, читал труды Конфуция и состоял в переписке с христианскими миссионерами в Китае. Познакомившись в конце XVII века с «Книгой перемен», он увидел в загадочном чередовании целых и прерванных черт ... числа! Правда, записанные не в обычной десятичной системе, а в двоичной, где каждое число выражается с помощью только двух знаков – ноля и единицы. Лейбниц приставил к гексаграммам их математическое выражение и неожиданно обнаружил, что символы в «И-Цзин» расположены в определенном математическом порядке. Это было настоящее открытие: выходило, что европейские мате-

матики «изобрели» то, что задолго до них, за тысячелетия, уже содержалось, лежало в основе одной из древнейших китайских книг.

Но в чем же «относительность» везения Лейбница? В том, что спустя столетия, когда двоичная система счисления уже именовалась не иначе как «языком ЭВМ», выяснилось, что Лейбниц имел дело с искаженным вариантом расположения гексаграмм, содержавшимся в одном из комментариев к «И-Цзин», и выведенные им числовые значения ошибочны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.